

Бытковский Олег Федорович

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ "СЛЕД" В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ СВИСТУНСКОГО I МОГИЛЬНИКА)

В статье публикуются результаты полевых исследований неординарного погребального комплекса ранних кочевников в Восточном Оренбуржье. В ней определяется принадлежность данного памятника к прохоровской культуре и обосновывается его хронологическая позиция в пределах IV-III вв. до н.э. Особенность надмогильной конструкции, сближающейся с мавзолеевыми сооружениями Средней Азии, близкие аналогии отдельных предметов вещевого комплекса погребения с материалами среднеазиатских памятников подтверждают гипотезу о том, что в этот период в силу ряда причин (экологических, демографических, экономических, политических) активизируется процесс освоения Приаралья кочевниками Южного Урала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 38-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Соответствовать стандарту «профессионалов» непросто, это требует значительных усилий со стороны личности, постоянной работы над собой. Перспективы развития данного стандарта очевидны. «В обществе ноосферного типа люди будут различаться по степени и области компетентности» [10, с. 59].

Список литературы

1. Бекарев А. М. Социально-исторические стандарты индивида // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы всероссийской конференции. Екатеринбург, 1994. С. 22-36
2. Замятин Е. И. Мы: роман. СПб.: Азбука-классика, 2006.
3. Кемеров В. Е. Историзм культуры // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы всероссийской конференции. Екатеринбург, 1994. С. 4-21.
4. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
5. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1998.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 42.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сборник / пер. с исп. М.: АСТ, 2003.
9. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989.
10. Финогентов В. Н. Социально-исторические регуляторы человеческих отношений // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы всероссийской конференции. Екатеринбург, 1994. С. 54-78.
11. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2004.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

MAN IN SOCIAL STANDARDS SPACE

Konstantin Eduardovich Burnashev, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Department of Social Sciences and Technologies

Volga Region State Technological University

Kostia1976@mail.ru

The author analyzes the phenomenon of human social standards, considers existing social standards, deduces their genesis and place in modern society, determines the values and imperatives that form the base of the considered standards, analyzes social standards influence on the formation of man, and describes the mechanisms of standardization.

Key words and phrases: human standards; values; imperatives; standardization; freedom; consumerism; mass man.

УДК 902.01

В статье публикуются результаты полевых исследований неординарного погребального комплекса ранних кочевников в Восточном Оренбуржье. В ней определяется принадлежность данного памятника к прохоровской культуре и обосновывается его хронологическая позиция в пределах IV-III вв. до н.э. Особенность надмогильной конструкции, сближающейся с мавзолейными сооружениями Средней Азии, близкие аналогии отдельных предметов вещевого комплекса погребения с материалами среднеазиатских памятников подтверждают гипотезу о том, что в этот период в силу ряда причин (экологических, демографических, экономических, политических) активизируется процесс освоения Приаралья кочевниками Южного Урала.

Ключевые слова и фразы: ранний железный век; прохоровская культура; Южный Урал; Приаралье; погребальный обряд; мавзолей.

Олег Федорович Бытковский

Научно-исследовательский археологический центр

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)

Оренбургского государственного университета

orsk.bof@mail.ru

**СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ «СЛЕД» В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
ЮЖНОГО УРАЛА (ПО МАТЕРИАЛАМ СВИСТУНСКОГО I МОГИЛЬНИКА)©**

В 2010 г., в результате отвода земельного участка в Новоорском районе Оренбургской области под хозяйственное освоение, возникла необходимость проведения аварийно-спасательных археологических работ на могильнике Свистунский I. Описываемый некрополь расположен в 6,3 км к северо-востоку от районного поселка Новоорск и в 3 км к западу от поселка Гранитный, у подошвы водораздельной возвышенности, на правом берегу р. Свистунки.

По результатам разведок 2008 г. могильник состоял из двух каменных округлых в плане насыпей, расположенных в 60 м друг от друга по линии ВСВ-3ЮЗ [9, с. 36], которые, как выяснилось позже, были сооружены в эпоху Средневековья. В процессе полевых работ 2010 г. в могильнике был обнаружен третий археологический объект в виде каменной площадки, расположенной в 130 м восточнее кургана 1, на правобережье р. Свистунки.

Каменная площадка 3 располагалась в пойме р. Свистунки, в 30 м от края береговой кромки. На поверхности просматривались частично выступавшие задернованные камни. С целью проверки было решено заложить прямоугольный раскоп, ориентированный по сторонам света: С-Ю – 5 м, З-В – 4,5 м. После зачистки объект представлял из себя каменный панцирь высотой до 0,22 м, который практически весь был затянут гумусно-илистыми отложениями. Планиграфически камни образовывали сложную выкладку подпрямоугольной конфигурации, ориентированную длинными сторонами по линии С-Ю (Рис. 1, I). Стратиграфия: задернованный слой – темно-серая гумусно-илистая наносная почва мощностью до 22 см; погребенная почва – серо-коричневый слой мощностью 8-10 см; материк – желто-коричнево-серый слоистый суглинок с включением горизонтальных прожилок серых илистых отложений. После полного сноса каменной конструкции в центре кургана выявлено могильное пято. Погребение было совершено в яме овальной формы шириной 2 м, длиной 0,65 м, ориентированной длинной осью с севера на юг. Заполнение ее было представлено камнями (на глубину до 0,75 м) и серой илистой супесью с материковыми включениями. Уровень дна – 1,14 м от 0. В заполнении на глубине 0,99-1,06 м, вдоль западной стенки, было расчищено пять крупных камней, стоявших, как выяснилось, на дне ямы и закрывавших вход в подбой. В центральной части дна подбоя плавно углублялось в материк по сравнению с входной ямой на 7 см. Карниз подбоя просел, предположительно его высота составляла около 0,6 м от уровня погребенной почвы. На дне входной ямы обнаружены два человеческих скелета, лежавших головой на юг (Рис. 1, II).

Западный костяк лежал вытянуто на спине, головой в южном направлении с небольшим отклонением длинной оси скелета в 9° на запад, лицом на восток. Плечи погребенного приподняты. Левая рука – вдоль тела, правая – чуть отставлена в сторону и слегка согнута в локте. Левая нога – вытянута, правая слабо согнута в колене и завалена вправо.

Восточный костяк лежал в слабоскорченном положении на правом боку, головой на юг, лицом также на восток. Руки согнуты в локтях, кисти – в районе живота. При погребенных обнаружен следующий инвентарь:

1. Глиняный сосуд шаровидно-приплюснутой формы с округло-уплощенным дном и отогнутым наружу венчиком (Рис. 2, I, 1) обнаружен в 3 см от черепа западного костяка. Диаметр венчика – 11,3 см, диаметр тулова – 15,4 см, высота сосуда – 13,5 см. На границе перехода шейки в тулово и чуть ниже нанесен орнамент в виде двух горизонтальных полос, состоящих из наколов краем палочки. По тулову – две горизонтальные полосы из чередующихся отпечатков ногтевых вдавлений, причем нижняя – короткая, незавершенная. Поверхность заглажена, снаружи и изнутри бледно-коричневого цвета с серыми пятнами, в изломе тесно серого цвета с примесью песка, сильно измельченной слюды и крупнозернистого талька.

2. Две бронзовые (Cu: 96,15–98,3%; Sn: 1,12–2,86%; As: 0,1–0,39%) серьги¹ с конусными спиральными подвесками из проволоки толщиной до 2 мм (Рис. 2, I, 3). Одна обнаружена с ЮЗ-ой стороны правой лобно-височной части черепа восточного костяка, вторая – в 10 см южнее черепа. Верхние концы образуют дужки, окончания которых имеют заострения для вдевания в мочку уха.

3. Россыпь бус и пронизок обнаружены между черепом и второй конусной серьгой, среди пятен красного охристого порошка. В состав низки входили: две цилиндрические из мутно-зеленой стеклянной пасты; четыре бронзовые цилиндрические бусины и пронизь (Cu: 15,05%; Sn: 1,78%; As: 0,12%; Zr: 0,02%); две округлые бусины из сердолика; конусовидная бусинка из мутно-зеленой стеклянной пасты с отверстием в широкой части, подквадратная в сечении; усеченно-ромбическая, восьмигранная в сечении бусина с отверстием в центре из желтого полупрозрачного стекла; цилиндрическая шестигранная бусина из бледно-зеленого прозрачного флюорита; квадратная бусина, вырезанная из пирита; две квадратные в сечении, бочковидные бусины из желтого полупрозрачного стекла; три серповидные, квадратные в сечении, бусины из желтого полупрозрачного стекла (Рис. 2, I, 2). Незначительная часть стеклянных бусин была сильно разрушена вследствие повышенной влажности грунта, реконструировать не удалось. Серьги и бусы лежали на 4 см выше дна погребения.

С восточной стороны за камнями, отделявшими входную яму от подбоя, на глубине 1,21 м лежал вытянуто на спине, головой на юг скелет подростка (Рис. 1, II). Руки – вдоль тела. При погребенном обнаружен следующий инвентарь:

1. Низка из бус и пронизок (Рис. 2, II, 3) располагались в районе шеи погребенного и состояли из двадцати девяти округлых бусин из сердолика; двух цилиндрических шестигранных бусин из бледно-зеленого прозрачного флюорита; цилиндрической шестигранный бусины из фиолетового прозрачного флюорита; двух цилиндрических пронизок из свернутой в трубочку тонкой рифленой фольги из золотого сплава (Ag: 27,37–26,63%; Au: 70,51–70,36%; Cu: 1,79–1,97%; Sn: 0,74%).

2. Бронзовое (Cu: 72,49%; Sn: 25,82%; As: 0,67%) колечко – серьга диаметром 1,3 см из тонкой проволоки (Рис. 2, II, 5), найдено под черепом, в районе левого уха. Концы колечка не сомкнуты, внешняя поверхность – мелкобугристая, внутренняя – гладкая.

¹ Выражаю благодарность П. В. Хворову, сотруднику Института минералогии Уральского отделения Российской академии наук за проведенные рентгенофлуоресцентные анализы изделий из цветных металлов и определение материала каменных бус из данного погребения.

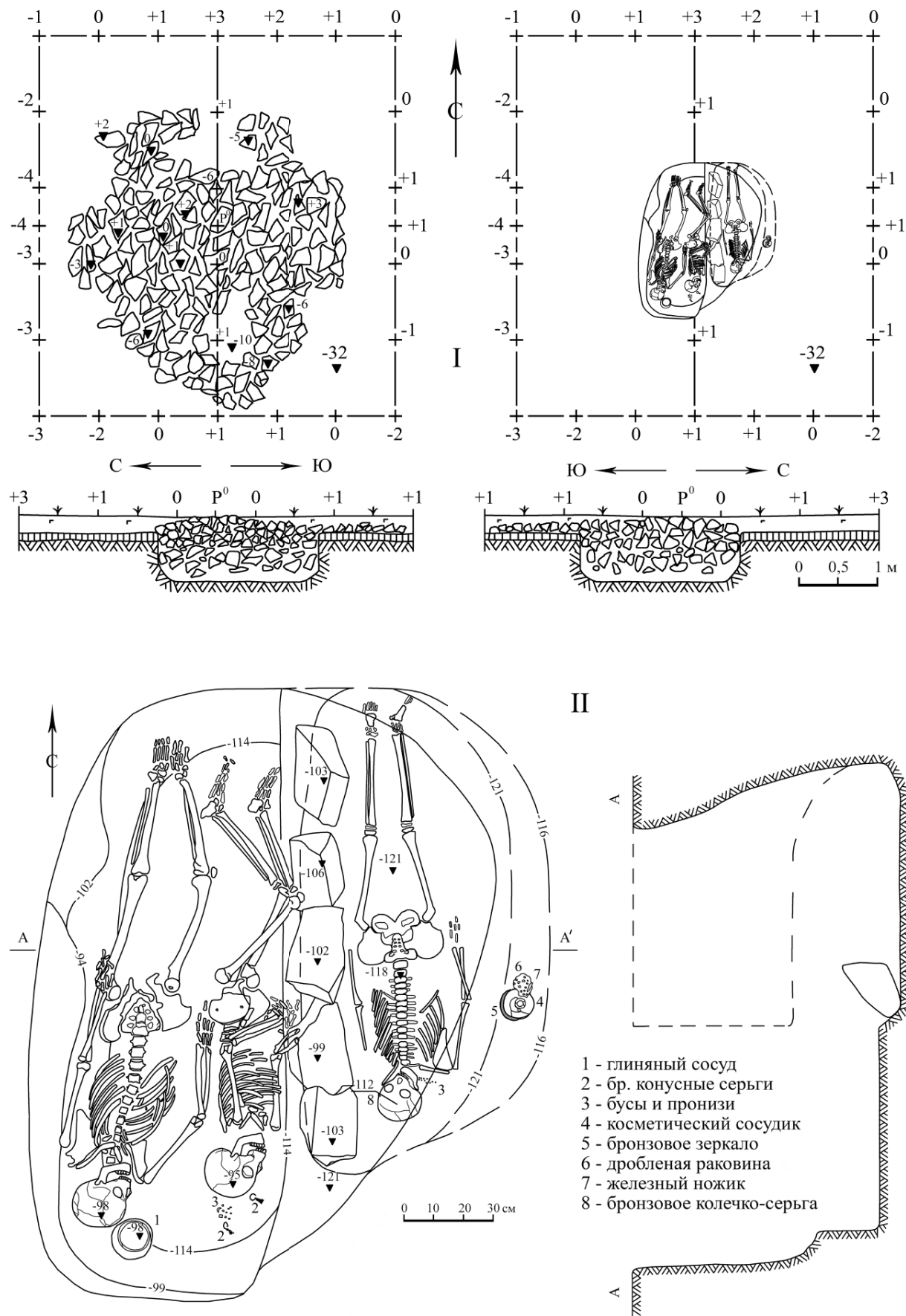

Рис. 1. Могильник Свистунский I, каменная площадка 3.
I - Планы и разрезы раскопа. II - План и разрез погребения.

В 13 см восточнее правого локтя костяка, у восточной стенки обнаружен инвентарный комплекс, включавший:

1. Круговой плоскодонный косметический сосудик биконической формы с узким горлом и отогнутым наружу венчиком (Рис. 2, II, 4) среднеазиатского происхождения. Глина плотная, оранжевого цвета. По всей поверхности прослеживаются следы красно-коричневого ангоба. Высота сосуда – 7 см, диаметр дна – 5,1 см, тулова – 10,5 см, венчика – 4,3 см.

2. С северной стороны сосуда и частично на его плече (в 4 см от уровня дна подбоя) обнаружено пятно дробленой раковины, мощностью до 0,5 см.

3. Бронзовое (Cu: 80,77%; Sn 19,15%) зеркало с круглым плоским диском и небольшим сквозным отверстием у края (Рис. 2, II, 1) располагалось под косметическим сосудом. Диаметр диска – 12 см.

4. Железный однолезвийный миниатюрный нож с прямой спинкой (Рис. 2, II, 2) найден в кучке с толченой раковиной. Длина лезвия – 3,3 см, длина черешка-ручки – 1,7 см. Толщина лезвия – 0,2-0,25 см.

Таким образом, в ходе аварийно-спасательных археологических работ на могильнике Свистунка I была исследована каменная площадка 3, которая являлась наиболее древним погребальным сооружением данного могильника. Захоронение трех индивидов в одной могильной яме, безусловно, являлось одноактным действием, отражающим принадлежность погребенных к обособленной социальной группе.

Обращаясь к определению культурно-хронологической позиции исследованного погребения, необходимо отметить, что в нем прослеживаются отдельные неординарные признаки, которые впервые обнаружены на территории Восточного Оренбуржья. В частности, это надмогильная конструкция, не имеющая курганной насыпи, как типичной для памятников ранних кочевников исследуемой территории. Каменная выкладка, с первого взгляда, в плане имеет достаточно аморфные очертания. Однако, при более внимательном рассмотрении планиграфических контуров, просматривается имитация сложного архитектурного сооружения, которое после проведенной графической реконструкции (с учетом руинирования) представляет собой подквадратное погребальное помещение (гурхана), ориентированное по сторонам света с двухгранным торцевым выступом (апсидой), направленным в южный сектор, двумя прямоугольными выступами с восточной и западной сторон, а с северной стороны имеется контур прямоугольного порталного помещения с центральным входом (Рис. 2, III, 4). Причем внутренний объем порталного помещения обозначен толщиной внешних стен (0,35-0,5 м), а помещение-усыпальница не имеет внутренних границ, так как вся площадь заложена сплошным каменным панцирем (исключая небольшое аморфное «окошко» в южной части), изображающим, видимо, перекрытие камеры. На основании вышеизложенного можно предположить, что каменная наброска имитирует в плане такую группу погребальных памятников, как мавзолей.

Эти погребальные сооружения известны с эпохи поздней бронзы в могильниках Северного Тагискаена [11]. Прямоугольные наземные мавзолейные конструкции исследованы в Приаралье в сакских памятниках чирикрабатской культуры IV-II вв. до н.э. [5, с. 52, 53]. Конструктивно они существенно отличаются от рассматриваемого объекта. Мавзолей Бабиш-Муллы состоит из четырех двухкамерных конструкций, из которых СВ-ый сектор планиграфически в общем схож с нашим вариантом (Рис. 2, III, 2). Мавзолей Чирик-Рабат также в общих чертах можно соотнести со Свистунским объектом, хотя вход в него расположен с противоположной (южной) стороны (Рис. 2, III, 1). Вероятно, наш вариант – это одна из разновидностей порталных мавзолейных форм, зарождающихся в среде населения Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э., привнесенная в раннекочевническую погребальную практику Южного Урала посредством тесных этнокультурных связей. Подобные в плане конструкции мавзолеев существовали и совершенствовались в средневековых памятниках Средней Азии и Казахстана (Рис. 2, III, 3) [2, с. 168-170, 175; 3, с. 162-167; 6, с. 190]. В нашем случае исследованный объект относится к раннесарматскому периоду истории кочевников, и на сегодняшний день подобные надмогильные конструкции на памятниках ранних кочевников Южного Урала неизвестны. Но для подтверждения или опровержения гипотезы, связанной с идентификацией описанной надмогильной конструкции с мавзолейными сооружениями Средней Азии, требуется самостоятельное целенаправленное исследование.

Подбойная конструкция могил появляется в среде кочевников Южного Урала уже с середины VI в. до н.э., а в IV в. до н.э. эта форма приобретает более массовый характер (стандартизируется) [7, с. 100, 105, 111; 13, с. 184; 15, с. 173]. Подобная ситуация прослеживается и с ориентировкой погребенных в южный сектор, которая переходит в господствующую в IV в. до н.э. и доживает до начала II в. н.э. [7, с. 100, 105, 110; 13, с. 184; 15, с. 179-184]. Отсутствие курганной насыпи, как отмечает С. Ю. Гуцалов, на погребальных памятниках кочевников Южного Приуралья становится предпочтительным признаком с III в. до н.э. [7, с. 110].

Многие предметы сопутствующего погребального инвентаря имеют достаточно широкий хронологический спектр аналогий на территории Евразийского степного пространства.

Впервые на исследуемой территории встречены бронзовые серьги с конусной спиралевидной подвеской. Подобные украшения (с учетом конструктивно-технологических разновидностей) появляются еще в эпоху бронзы. Затем они типологически развивались и совершенствовались уже в раннем железном веке [16, с. 386-395]. Наиболее близкие аналогии подобным сережкам известны из материалов могильника Агаповские горы IV к. 1, пог. 2 (вторая половина VI - V в. до н.э.) в Челябинской области [10, с. 148-161], в могильнике Новотроицкое-1 к. 18, п. 4 (V-III вв. до н.э.) на Алтае [17], а также в памятнике Яньбао из Северного Китая, верхняя дата которого укладывается в VI в. до н.э. [15, с. 188]. Из приведенных выше аналогий хронологически наиболее близкой к нам является серьга из Южной Сибири.

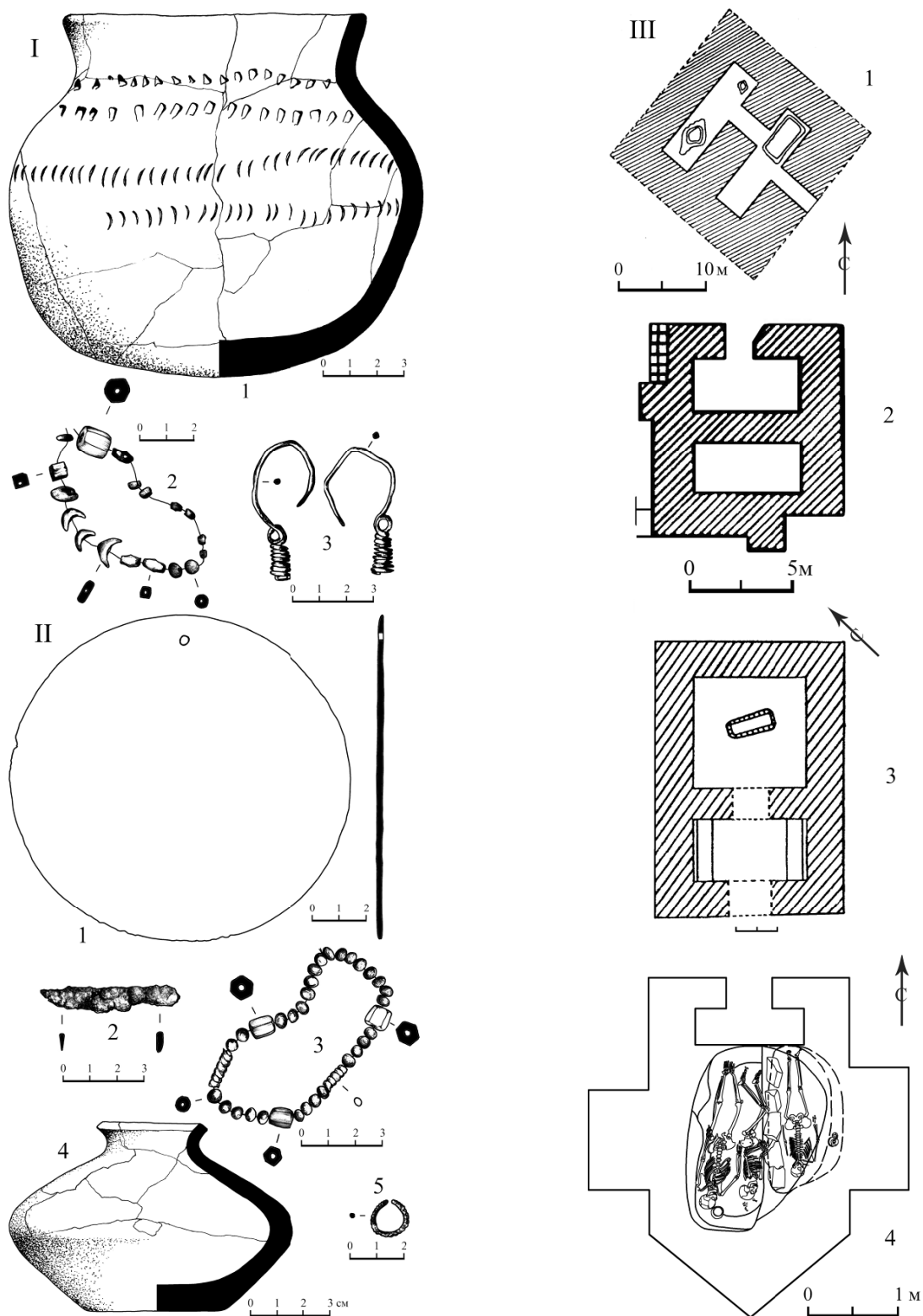

Рис. 2. I - Инвентарь из входной камеры; II - Инвентарь из подбоя; III - Планы мавзолеев:
 1 - Чирик - Рабат и 2 - Бабиш - Мулла 2, СВ сектор (IV - II вв. до н. э. - по Вайнберг Б. И. и др.) [6],
 3 - Уральское городище (XIII - XIV вв. - по Байпакову К. М. и др.) [2],
 4 - Свистунский I могильник, реконструкция по контурам каменной площадки 3.

Бусы достаточно сложно использовать при хронологической реконструкции из-за широкого временного диапазона многих типов. То, что обе низки одновременны не вызывает сомнений вследствие полной идентичности отдельных экземпляров. Таковыми являются округлые бусы красно-коричневого сердолика и цилиндрические шестигранные из бледно-зеленого прозрачного флюорита (Рис. 2, I, 2; II, 3). По мнению О. В. Аникеевой, округлые сердоликовые бусы «...изготавливались, вероятно, в ремесленных центрах Средней Азии. Распространены в курганах Ферганской долины, Присаракамышской дельты, городищах Хорезма (Джанбаз-Кала) в течение 5-3 вв. до н.э. На Памире встречаются в курганах 4-2 вв. до н.э. На Южном Урале встречаются в курганах с конца 5 до 3 в. до н.э.». Пиритовые бусы распространены в Средней Азии в IV-I вв. до н.э. На Южном Урале они единичны [1, с. 10-21].

Интересен красноглиняный круговой косметический сосудик, аналогий которому в раннекочевнических памятниках Южного Урала нам не известно. Вероятнее всего, он имеет среднеазиатское происхождение. Номинально близкие по форме тулова (невysокие приземистые усеченнобиконические) горшки с красным ангобом известны в чирикратской культуре на протяжении всех этапов ее существования (рубеж V-IV – нач. II в. до н.э.). Аналогии этим формам Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина находят в материалах Согда и Афрасиаба [5, с. 57]. Еще один похожий по форме тулова гончарный сосуд найден на поселении Куясай 2 в Присаракамышской дельте Амударьи и датирован автором серединой VII - VI в. до н.э. [4, с. 117]. С. Б. Болелов считает, что подобный тип посуды известен в Хорезме (Дингильдже, Калалы-Гыр), хотя есть отличия в пропорциях (не так раздуто тулово), а вот в Персеполе есть почти полные аналогии. Эта форма сосудов появляется с середины V в. до н.э. и бытует до конца III - начала II в. до н.э.¹

Черноглиняный сосуд из входной камеры погребения похож на горшок из II Кардаиловского могильника к. 26, пог. 3 [12, с. 19, 20]. А. С. Скрипкин сосуды этого типа относит к III-I вв. до н.э. [13, с. 272].

Период бытования у кочевников бронзовых зеркал с круглым плоским диском из косметического набора подбойной погребальной камеры также достаточно широк. Этот тип зеркал существует на протяжении всего прохоровского времени.

Топография, погребальный обряд (подбойная конструкция и ориентировка могильной ямы, вытянутое на спине головой в южном направлении положение погребенных) и сопутствующий инвентарь позволяют нам отнести данное погребение к IV-III вв. до н.э. и связать этот комплекс с интеграционными процессами, происходившими в среде южно-уральских кочевников в период активного освоения ими средне-азиатских оазисов, в том числе и Южного Приаралья [8, с. 180; 14, с. 173-205]. Не противоречит этому выводу и топография памятника – на краю поймы р. Свистунки, в то время как ранние могильники прохоровского периода исследуемой территории располагаются на господствующих возвышенностях террас и водоразделов. Складывается впечатление, что кочевники, оставившие исследованное погребение, не являлись полноправными хозяевами на данной территории. Площадка как бы скрыта от посторонних глаз, а каменная конструкция лишь в плане повторяет традиционное надмогильное сооружение, не имея объемных очертаний и не привлекая к себе постороннего внимания. Этот факт, кстати, ограждает в дальнейшем памятник от разграбления, которым подвергались многие могилы как в древности, так и в наше время. Да и сама планиграфия имитационного мавзолея в силу определенных причин претерпевает изменения, такие как расположение порталного помещения и центрального входа не с южной стороны, как это мы прослеживаем в памятниках Приаралья, а с севера. В данном случае мы имеем дело с погребением инога, пришедшего кочевое население, хотя и имеющего близкую связь с автохтонными номадами.

Список литературы

1. **Аникеева О. В.** Применение минералого-технологического анализа для изучения каменных бус ранних кочевников Южного Урала // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы и исследования по археологии Юга России: сб. статей. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. III. С. 9-21.
2. **Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ахатов Г.** Некрополь уральского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2002. Вып. 1. С. 168-184.
3. **Боталов С. Г., Маламуд Г. Я.** Погребальный комплекс Кесене // Уфимский археологический вестник: сб. научных статей. Уфа: НМ РБ, 2001. Вып. 3. С. 162-167.
4. **Вайнберг Б. И.** Памятники скотоводческих племен в Левобережном Хорезме // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 116-122.
5. **Вайнберг Б. И., Левина Л. М.** Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 47-61.
6. **Васильев Д. В.** Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань: Изд-во АГУ, 2007. 201 с.
7. **Гуцалов С. Ю.** Древние кочевники Южного Приаралья. Уральск: Западно-Казахстанский центр археологии, 2004. 136 с.
8. **Гуцалов С. Ю.** Кочевники Южного Урала в конце V – III в. до н.э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Астана, 2003. Т. I. С. 180-188.
9. **Гуцалов С. Ю.** Отчет о проведении археологического обследования земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение в Оренбургской области в 2008 г. // Архив Научно-исследовательского археологического центра. Орск, 2009.
10. **Гуцалов С. Ю., Боталов С. Г.** Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // Уфимский археологический вестник: сб. научных статей. Уфа: НМ РБ, 2001. Вып. 3. С. 148-161.

¹ Выражаю благодарность С. Б. Болелову, зав. сектором истории материальной культуры и древнего искусства Центральной Азии Государственного музея Востока, за устную консультацию по определению культурно-хронологической принадлежности обнаруженного сосуда.

11. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература РАН, 2001. 186 с.
12. Моргунова Н. Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья: сб. материалов. Оренбург, 1996. Вып. I. С. 8-43.
13. Скрипкин А. С. Азиатская сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. 300 с.
14. Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. 274 с.
15. Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2000. Т. 2. Ранний железный век и Средневековье. С. 3-205.
16. Чугунов К. В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая: происхождение традиции и типологическое развитие // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири: сб. научных трудов / под ред. Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина. Барнаул: Изд. АГУ, 2003. Кн. 1. С. 386-395.
17. Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

**CENTRAL ASIAN "IMPRINT" IN FUNERAL RITE OF SOUTHERN URAL EARLY NOMADS:
BY THE MATERIALS OF SVISTUNOVO BURIAL GROUND I**

Oleg Fedorovich Bytkovskii

Scientific-Research Archaeological Center

Orsk Classical-Technological Institute (Branch) of Orenburg State University

orsk.bof@mail.ru

The author presents the field studies results of the extraordinary funeral complex of early nomads in East Orenburg area, determines the belonging of the monument to Prokhorovka culture, substantiates its chronological position within the IVth-IIIrd centuries BC, and shows that the gravestone design feature, which draws closer together with mausoleum structures in Central Asia, the close analogies of certain funeral clothing items with the materials of Central Asian monuments confirm the hypothesis that the process of the Aral Sea region developing by Southern Ural nomads was activated due to a number of reasons (environmental, demographic, economic, political) during this period.

Key words and phrases: early Iron Age; Prokhorovka culture; Southern Ural; Aral Sea region; funeral rite; mausoleum.

УДК 332.8(571.6)

В статье на значительном статистическом материале исследуется состояние жилищной проблемы в Дальневосточном федеральном округе в современных условиях. Выделяются основные категории населения, нуждающиеся в улучшении жилищных условий при использовании государственной поддержки. Предлагаются средства решения жилищной проблемы.

Ключевые слова и фразы: жилищное строительство; ветхое и аварийное жилье; стройматериалы; строительные кадры; ипотека.

Сергей Александрович Власов, к. ист. н.

Отдел социально-политических исследований

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточное отделение Российской академии наук

vlasov54@bk.ru

**РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ XXI В.®**

Решение жилищной проблемы в Дальневосточном федеральном округе (ДВФО) – обеспечение людей современным, комфортным, доступным жильем – является одной из важнейших геополитических и социально-экономических задач государственной политики. Это было важно в прошлом, когда шло заселение дальневосточных земель и формировалось население региона, актуально и в современных условиях, когда уменьшение населения создает предпосылки возможной потери этой российской территории. Остановить сокращение населения, а в перспективе увеличить его численность возможно при условии, что на Дальнем Востоке будет решена проблема обеспечения жильем как местных жителей, так и мигрантов, пожелавших приехать сюда на постоянное место жительства. Главным средством решения жилищной проблемы является активизация жилищного строительства.

Социально-экономические преобразования, произошедшие в нашей стране в 1990-е гг., сказались на жилищном строительстве. Долгие годы (1958-1991) оно велось в широких масштабах, и его можно характеризовать как